

— А что у вас, в кино?

— Да то же, что и у вас. Бардак-с. Валимся в тар-тарары. Распались связи. Нет ни кино, ни зрителя. А недавно пролилась уже и первая кровь. Первой жертвой стал Леонид Григорьевич Мурса, директор Киноцентра. Для меня лично он всегда был эталоном порядочности. А вот, оказалось,— подлец. Как бы это объяснить читателю, не размазывая, суть конфликта...

Дело в том, что в кино сейчас все валится к чертовой матери. Не катится только Киноцентр. Более того, становится средоточием духовной и культурной жизни Москвы.

И вот на Киноцентр-то и навалились. Прибегну к такому образному сравнению.

Вот — нищая, голодная деревня, одни голодранцы да пьяницы. Ничего не сеют, не пашут, а если и посеют, то вороны съедут. И только у одного хозяина на всю деревню — и дом крепкий, и ситины полон двор, и хлеба тучные, хватает ему и на себя, и на церковь, и односельчан плохо ли, хорошо, но кормит. И вот подступили к нему голодные мучники с вилами: «Мало даешь!» «Даю, сколько остается,— стал оправдываться хозяин,— за вычетом того, что на церковь, да на прокорм своей семьи». — «Значит сеешь мало да урожай не весь снимаешь!» — «Да как же, мучники, ведь тридцать лет работаю на земле, как деды работали. Что ж вы раньше-то молчали?» — «А таперича время другое!»

Вот именно — «таперича время другое!»

Суть претензий руководителей Союза кинематографистов к Киноцентру — мало зарабатывает! И хоть не Леонида Григорьевича учить экономике и производству (он много-много лет в кино), а вот надела голодная рать: «Мало даешь! Плохо сеешь и урожай не весь собираешь. Можно больше...»

Кабы пожурили да дали годичный срок — ничего бы еще. Но нет — мгновенно замену нашли. В лице молодого золотоискателя из Сибири. Этот пообещал быстро сделать на Киноцентре миллионы.

А как их нынче делают... Смекаешь, читатель?

Это мы виноваты — десятков-другой кинематографистов, принявших участие в судьбе Киноцентра. Леонид Григорьевич человек мягкий: «Ну, я уйду, раз так... Пусть что хотят, то и делают...» А мы ему: «Держись, Леонид Григорьевич! Прояви мужество, не за себя стараешься».

СДЕЛАЛ Леонид Григорьевич несколько ответных шагов, все правильные, а один спорный. (Так ведь по-человечески и понять можно — обложен, загнан в угол!) Короче, акционировал Киноцентр. Каждый из восьми тысяч членов союза получил уведомление, что он теперь держатель акций Киноцентра, а следовательно, его владелец.

Ход спорный. Юристы Киноцентра уверяют, что все правильно, законно и вовремя, так как соответствует сегодняшней государственной политике. Юристы же Союза кинематографистов говорят наоборот — что неправильно, незаконно, что союз потеряет теперь право распоряжаться Киноцентром, диктовать там свои порядки. На мой взгляд, это и хорошо — иначе пропьют, промотают, проедят за рубеж, все разрушат, как промотали и разрушили все остальное.

Реакции секретариата союза (а вернее, трех союзов, у нас их теперь — три! Почти так же много, как и государств) долго ждать не пришлось. Решили Мурсу уволить, исключить из союза да еще и потоптать ногами — собрали для этой цели в Доме кино публику, охочую до этого развлечения. То есть приглашали всех желающих, но заметных кинематографистов было мало (не пришли — кто по лени, кто по извечному российскому раскудряйству). Те же, кто пришел, вели себя очень достойно.

Были, конечно, и слабые писки в защиту Мурсы, например, ваш покорный слуга попытался что-то проициать из зала: мол, сегодня знаменательный день, вы растоптали одного из самых порядочных людей в кинематографе... А вы, как вам не стыдно? (Это уже — к трем секретарям трех союзов, сидящим на сцене). При вас, при вашем руководстве все развалилось, мы присутствуем на похоронах союза, что же вы сидите, что же держитесь, как Горбачев за кресло...

Что тут началось...

— Иди, садись в наше кресло! Мы уходим... — это один из секретарей.

— А почему ты сам ничего не делаешь? — это другой. — Вместо того чтобы поучать своим менторским тоном...

Договорить, конечно, не дали. Когда многие бьют одного, наступает чудное единение. Того, кто нарушает гармонию, готовы растерзать...

Но, как кажется, я все-таки договорю свою нескладную речь (спасибо газете, предоставившей возможность это сделать). А заодно и отвечу на упреки секретарей, в первую очередь отвечу своему товарищу Сергею Александровичу Соловьеву, Сереже Соловьеву. (Надеюсь, мы и впредь останемся товарищами — на-

до отдать ему должное, есть у него редкий в наше время талант — уметь отличать общественное от личного.)

ВО-ПЕРВЫХ, что это значит: «Мы уйдём, а ты садись в наше кресло?»

Вы сели сюда не сами, вас посадил съезд. Соберите съезд (сейчас это особенно необходимо), и вам даже уходить не надо будет, он сам вас «уйдет». А кого он посадит в ваши кресла — это его дело. Думается, там найдутся люди организованной и решительной, чем я.

Не принимаю и ваш упрек относительно моего неучастия в общественной жизни. Все мы с одинаковым энтузиазмом начали тогда, в начале 86-го, обустройство кинематографа.

Только одни сажали лозу, а другие вырубали виноградники.

Наши пути быстро разошлись. Я пытаюсь наладить истонченную до угрожающего состояния связь кинематографа со Зри-

Станислав ГОВОРУХИН

ОДНА, НО ТВОРЧЕСКАЯ СТРАСТЬ

телем, а вы разрушали все связи. Вспомни: когда я в первых своих статьях попытался вступить за Зрителя (мол, не надо его воспитывать, надо уважать его, он не хуже нас, художников), вспомни, какой в секретариате союза визг поднялся. Теперь вы готовы ползать на коленях перед Зрителем, лишь бы он смотрел ваше кино. Но наш Зритель оказался тонкой штучкой — оскорблений он не прощает.

Наши пути не вместе, потому что у нас, мягко говоря, разный взгляд на вещи. Вы умудрились разрушить все: систему проката, систему производства, даже такую деликатную вещь, как связь между разными поколениями кинематографистов, — посмотри, старые мастера на ваши сборища почти не приходят.

«Страсть к разрушению, — говорил Бакунин, — творческая страсть». Вы оказались ба-альшими-и художниками!

Так что извини, милый. Вот когда на вашем месте будут сидеть люди, близкие мне по взглядам, не революционеры и не материалисты, вот тогда я стану самым усердным их помощником.

«В чем они виноваты?! — набросились на меня ваши сутяжники. — Они работают по 22 часа в сутки...»

Эка, загнули! Ну, возьмем тебя, Сережа. Ты и во ВГИКе ведешь мастерскую (это ж сколько надо сил отдать!), ты и руководишь мосфильмовским объединением (какой груз на плечах!), и картину за картиной снимаешь (эту работу я знаю — вздохнуть некогда), и тысячи других дел и обязанностей, где ж ты находишь время на работу в Союзе кинематографистов — хотя бы два часа в день?

Другой из вас все это время боролся за президентскую власть в Таджикистане. Тоже не до нас ему было...

Но кабы вы и работали по 22 часа в сутки, но если при вас, при вашем руководстве все развалилось, это все равно не оправдывало бы вас. «Не виноваты...» Очень даже виноваты.

ОТ РЕДАКЦИИ. Не в наших правилах вступать в дискуссию с авторами полемических материалов. В наших правилах — предоставлять свои полосы людям, чье мнение интересно читателям, даже если это мнение не всегда совпадает с точкой зрения редакции. И все-таки сегодня хотелось бы сказать несколько слов по поводу одного из посылов статьи Станислава Говорухина, чью резкую и хлесткую публицистику узнаешь сразу.

Речь о Михаиле Горбачеве. Несколькими размашистыми мазками нельзя подвести итоги его деятельности. За жесткими обобщениями пропадает сложность и противоречивость пережитого всеми нами. Что еще хуже — стремление расчитать с Горбачевым совершенно неконструктивно, оно не помогает, а лишь мешает оценить сегодняшнее положение. Это опять стремление возложить вину на кого-то одного. Вместо того чтобы разобраться наконец-то, на что способны сегодня народ и интеллигенция, что им по силам, а что нет. Горбачев давно отстранен от власти, а разве стало лучше? А разве Горбачев разваливал наш кинематограф? Да нет, сами кинематографисты, умные, образованные, демократически настроенные, довели его до нынешнего состояния. Так пора уже нам и на себя оборотиться. Скорее-то всего, недостатни Горбачева — это трагические недостатки всего нашего общества. И еще одно. Если мы пойдем на поводу у «мстителей» как правого, так и левого толка и начнем преследовать бывшего президента страны, это будет свидетельством, что общество наше по-прежнему обуреваемо идеями сведения счетов и злобы. Хочется надеяться, что все-таки не они определяют сегодня нашу жизнь. Очень хочется...

Разве не виноват Горбачев, что народу при нем стало жить хуже, что преступность достигла немисливных размеров, что великая страна превратилась в великую Побирушу? Остальной мир должен быть ему благодарен, да. И мы, люди искусства, — да. Но российский народы в целом... Да протрите глаза — льется кровь, миллионы стариков брошены на растерзание жуликам, обречены на ускоренное вымирание...

А виноват он тем, что, начав с самыми благими намерениями, действовал неосознанно, не предвидел хода процессов, которые сам вызвал к жизни, был некомпетентен по всем статьям, окружал себя самыми глупыми людьми (один Янаев чего стоит!), опоздал со всеми кардинальными решениями, не сделал ни одного точного прогноза... (И вот по закону глупости, чтобы уж навсегда быть нашей стране великим Посмешищем, именно этот человек будет теперь тратить свои и чужие деньги на политические прогнозы, на советы правительству; в бывшей Стране Советов он создал «маленькую страну советов».)

Вот так и вы. Виноваты тем, что не предвидели (и сейчас не видите), к чему может привести ваша бакунинская страсть. Всякая система, ржавая и несовершенная, со скрипом, но работает. Стоит вынуть одно звено из цепи и не заменить его новым — она остановится.

Вспомните, с каким энтузиазмом вы разрушали старую несовершенную систему проката. А то, что сейчас, — вам нравится? Вас не устраивала старая система производства в кино. А то, что сейчас, — устраивает? (Не только масштабную «Войну и мир», самую простенькую картину про Ньюру и Ваню снять невозможно.)

Вам не хватает здорового консерватизма — не все старое плохо и не все новое хорошо. Нельзя ничего разрушать, пока не построено новое. Умный хозяин строит новый дом рядом со старым, а не на пепелище. И только когда дом готов, переезжает в него и разбирает по бревнышку старый.

Да как же мы ухитрились всё разрушить? Всё — по всей стране. Бежали вроде вперед, а оказались сзади. На много лет позади, чем были. А в кинематографе — на десятки лет.

Мы и сейчас бредем назад. Все дальше от огоньков цивилизации. Все бросились делать деньги — чем больше сделаем, тем лучше будем жить. Нет, жизнь сыграть с нами коварную шутку — мы еще больше обнищаем.

Духовное основное, чем материальное, — вот этого не понимают ни «образованная» часть общества, ни авторы реформ, ни вожди. Законы, действующие в цивилизованном мире, в стране жуликов действовать не будут. Да, да, страна жуликов! — нечего стыдливо опускать глазки. Воровство, мошенничество, шкурничество разлилось широким Беспределом по всей стране.

И в этой ситуации освободиться, как от гири на ноге, от порядочных людей... Гиря-то не на дно морское влечет, а наборот — удерживает от падения в пропасть.

Это придумали циники из мира искусства: хороший человек — не профессия. Нет! Она и раньше была первейшей профессией на земле — честный, порядочный человек. А теперь — еще и редкой профессией.

Вот так, Сережа. Успехов тебе в твоём «творчестве». Твой Стасик.

Р. С. Прими один маленький совет. Маленький — только на первое время.

Сделайте, как было, — из трех союзов кинематографистов один союз. И уже станет легче.

Сократите три управленческих аппарата — до одного. И уже будет польза.

Оставьте из трех секретарей одного. Пусть самого плохого. Но порядка будет больше.

Ты можешь бросить презрительное: — Ретроград!

Не ретроград, сколько тебе объяснять, а консерватор. И вот одна из моих главных заповедей: Новое — это хорошо забытое Старое.